

Петр Николаевич Краснов

На внутреннем фронте

Петр Николаевич Краснов

На внутреннем фронте

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175822

Содержание

I. Первые признаки разложения российской армии	4
II. В 1-й Кубанской казачьей дивизии. Казачьи настроения	10
III. Бунт 3-й пехотной дивизии. Убийство комиссара Юго-Западного фронта Ф. Ф. Линде	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Петр Николаевич Краснов

На внутреннем фронте

(Архив русской революции, т. 1. Берлин, 1922 г)

I. Первые признаки разложения российской армии

В апреле 1917 г. 2-ю Сводную казачью дивизию, которой я командовал около двух лет и с которой был почти все время в боях, сменила на позиции под Пинском 172-я пехотная дивизия, и ее отвели в тыл, на отдых. Я тогда же решил подать рапорт об увольнении меня в отставку. Новые порядки, введенные Временным Правительством, отсутствие какой бы то ни было власти у начальников, передача в руки комитетов всех полковых дел быстро расшатывали армию. Пока дивизия стояла на позиции в непосредственной близости к неприятелю, она держалась. Наряд исполнялся правильно, офицеров слушались, форму одежды соблюдали. 10 апреля к нам в дивизию приезжал кн. Павел Долгоруков, член к.-д. партии. Он смотрел собранную для этого случая Донскую бригаду – 16-й и 17-й Донские полки – и сказал весьма патрио-

тическую речь. На речь отвечали я и ген. Черячукин, а затем один урядник 16-го полка, который от имени казаков клялся, что казачество не положит оружия и будет драться до последнего казака с немцами, – до общего мира в полном согласии с союзниками. Кн. Павел Долгоруков ездил со мною в окопы, занятые пластунским дивизионом. Он присутствовал при смене пластунов с боевого участка, видел их жизнь в окопах и был поражен их выправкою, чистотою одежды, молодцеватыми ответами и знанием своего дела. Все это он мне высказал в самой лестной форме и потом задумчиво добавил: – «Если бы это было так во всей армии!..» – «А что?» – спросил я. Мы на позиции были далеки от жизни. В гости к нам никто не приезжал, письма политики не касались, газеты были старые. Мы верили, что великая бескровная революция прошла, что Временное Правительство идет быстрыми шагами к Учредительному Собранию, а Учредительное Собрание – к конституционной монархии с в. кн. Михаилом Александровичем во главе. На Совет Солдатских и Рабочих Депутатов смотрели, как на что-то вроде нижней палаты будущего парламента.

– Я видел московский гарнизон, – сказал кн. Долгоруков. – Он ужасен. Никакой дисциплины. Солдаты открыто торгуют форменною одеждою и дезертируют. Армия вышла из повиновения. Спасти может только наступление и победа. – «И наступление не спасет, – отвечали, – потому что такая армия победы не даст».

Я помню, что тогда же меня спросили, как я смотрю на переход в наступление революционными войсками, с комитетами во главе. Я ответил, что, как русский человек, я очень хотел бы, чтобы оно завершилось победою, но, как военному, сорок лет верившему в незыблемость принципов военной науки, мне будет слишком больно сознавать, что я сорок лет ошибался.

Как только казаки дивизии соприкоснулись с тылом, они начали быстро разлагаться. Начались митинги с вынесением самых диких резолюций. Требования отклонялись, но казаки сами стали проводить их в жизнь. Казаки перестали чистить и регулярно кормить лошадей. О каких бы то ни было занятиях нельзя было и думать. Масса в четыре с лишним тысячи людей, большинство в возрасте от 21 до 30 лет, т. е. крепких, сильных и здоровых, притом не втянутых в ежедневную тяжелую работу, болтались целыми днями без всякого дела, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать. – «Мы сами такие же, как офицеры, – говорили они, – не хуже их».

Потребовать и восстановить дисциплину было невозможно. Все знали, – потому что многие казаки были этому очевидцами, – что пехота, шедшая на смену кавалерии, шла с громадными скандалами. Солдаты расстреляли на воздух данные им патроны, а ящики с патронами побросали в ре-

ку Стырь, заявивши, что они воевать не желают и не будут. Один полк был застигнут праздником пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговенье, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войною Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употребил все усилия, чтобы достать разговенье, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь. Все это осталось безнаказанным, и казаки это знали.

Меня на ст. Видибор 4 мая на глазах у эшелонов 16-го и 17-го Донских полков арестовали солдаты и повели под конвоем со стрельбою вверх в Видиборский комитет. Там меня обвинили в том, что я принадлежу к числу тех генералов, которые ради помещиков и иностранных капиталистов настаивают на продолжении войны (Обвинение было вполне основательным. Хотя несколько дальше Краснов и говорит о своем стремлении «как можно скорее заключить мир», но дело здесь, разумеется, не в особливом генеральском миролюбии и не в неприязни к помещикам и иностранным капиталистам, а в растущем страхе перед вышедшей из подчинения и не желающей воевать армией. *Ред*). Одним из обвинителей был казак 17-го Донского казачьего полка Воронков.

Потом меня под конвоем же отправили в Минск, где меня должен был судить какой-то трибунал при армейском комитете. На мое заявление, что есть начальство, которое, если я в чем виноват, будет меня судить, и что никто не смеет меня задерживать при исполнении служебных обязанностей, – мне нагло было заявлено, что единственное начальство, которое они признают, это – местный Видиборский комитет, а на главнокомандующего им плевать. Комитет выше главнокомандующего. В Минске, однако, мои конвойные растерялись, дали мне возможность повидать коменданта станции, передать о всем случившемся в штаб Западного фронта, меня доставили к главнокомандующему фронтом ген. Гурко, который меня сейчас же освободил и отправил к дивизии.

Все это осталось без наказания. Стоило только начальству возбудить какое-либо дело против солдата, как на защиту его поднимались комитеты. В ротах собирались митинги, солдатская масса волновалась и начальство испуганно бросало дело.

Ясно было, что армии нет, что она пропала, что надо как можно скорее, пока можно, заключить мир и уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу. Я писал рапорты вверх; вверх ближайшее строевое начальство – командир корпуса, те, кто имеет непосредственное отношение к солдату, встречали их сочувствием, но выше, в штабе особой армии – генерал Балуев, в военном министерстве, во главе которого стал А. Ф. Керенский, к ним относи-

лись скептически.

Я горячо любил свою дивизию, свидетельницу стольких славных побед. Я стал собирать офицеров, комитеты и казаков, вести с ними горячие страстные беседы, возбуждая в них прежнее полковое и войсковое самолюбие, напоминая о великом прошлом и требуя образумиться.

– «Правильно! правильно!» – раздавались голоса, толпа как будто бы понимала и сознавала ошибки свои, хотела становиться на правильный путь, но уходил я, раздавался чей-нибудь бесшабашный голос: «Товарищи! Это что же? генерал-то нас к старому режиму гнет! Под офицерскую, значит, палку!» – и все шло прахом.

В голове все решили, что война кончена. – «Какая нонче война? – нонче свобода!» Я поехал в штаб особой армии настаивать на отставке.

Однако, командуя армией, генерал Балуев, моей отставки не принял, основываясь на приказе Керенского никого из лиц командного состава от службы не увольнять, но понявши, что мне оставаться в дивизии, где авторитет мой был поколеблен, нельзя, предложил мне принять в командование 1-ю Кубанскую дивизию.

10 июня я прибыл в дивизию, расположенную в окрестностях города Мозыря.

II. В 1-й Кубанской казачьей дивизии. Казачьи настроения

1-я Кубанская казачья дивизия была второочередная, составленная преимущественно из казаков старших сроков службы. Она сильно пострадала вследствие бескормицы и плохого снабжения. Люди были оборваны. Много было больных. Лошади истощали до такой степени, что лежали и не могли подняться. Казаки голодали. Такое очень тяжелое положение было весьма выгодным для меня. Заботливостью об улучшении материального состояния дивизии я надеялся привлечь сердца казаков к себе и восстановить порядок и дисциплину.

Надо отдать справедливость, – все мне пошло навстречу в этом деле. Командующий армией приказал отпустить вне очереди сапоги, шаровары, рубахи и шинели для казаков, довольствие было улучшено, Мозырское земство и окрестные помещики приложили все усилия, чтобы дать наилучшее размещение полкам и выкормить лошадей. От Кубанского войска удалось добиться пополнений.

Эти хозяйственные заботы отвлекали казаков от пустой митинговой болтовни, и дивизия имела серьезный, домовитый, хозяйственный вид. Сотенные и полковые комитеты совещались с офицерами, как лучше, экономичнее и богаче

одеть и снабдить казаков. Когда же снабжение начало приходить, а лошади поправляться и делаться сытыми, я почувствовал, что между мною и полками установилась та связь, которая до некоторой степени походила на дисциплину.

До революции и известного приказа № 1 каждый из нас знал, что ему надо делать как в мирное время, так и на войне. День был расписан по часам, офицеры и казаки заняты, ни скучать, ни тосковать было некогда. Когда стояли в тылу «на отдыхе», тогда постепенно, после исправления всех материальных погрешностей, начинали занятия, устрагивали спортивные праздники и состязания, к которым нужно было готовиться, солдатские спектакли, пели песенники и играли трубачи, – день был полон, он нес свои заботы и свое утомление, полковая машина вертелась и каждый что-нибудь да делал. Лодыри преследовались и наказывались. Лущить семечки было некогда. После революции все пошло по иному. Комитеты стали вмешиваться в распоряжения начальников, приказы стали делиться на боевые и не боевые. Первые сначала исполнялись, вторые исполнялись по характерному, вошедшему в моду тогда выражению – постольку поскольку. Безусый, окончивший четырехмесячные курсы, прапорщик, или просто солдат, рассуждал, нужно или нет то или другое учение, и достаточно было, чтобы он на митинге заявил, что оно ведет к старому режиму, чтобы часть на занятие не вышла и началось бы то, что тогда очень просто называлось эксцессами. Эксцессы были разные – от грубого ответа до убий-

ства начальника, и все сходили совершенно безнаказанно.

Дивизия принимала сытый и довольный вид, и было нужно ее занять. Но начать занятия надо было очень осторожно. Я решил повести их двух видов – беседы и маневры в поле. Беседы я вел лично с офицерами и чинами комитетов, а те передавали их в сотнях. Казаков больше всего интересовали вопросы «данного политического момента» и, конечно, земля, земля и земля... Вот эти-то вопросы и пришлось затронуть и притом настолько осторожно, чтобы не обратить беседу в митинг, что было недопустимо, потому что подорвало бы дисциплину. Офицеры явились для меня великолепными помощниками. Я начал с объяснения различного устройства государств и образа правлений. Я слышал, как казаки совершенно серьезно говорили о республике с царем, или о монархии, но без царя, и т. п. Потом я изложил программы политических партий, цели настоящей войны, рассказал о значении Босфора и Дарданелл, что особенно должно было заинтересовать кубанцев, ведущих торговлю хлебом с Марселем, вкратце изложил историю казачества и значение казаков для России, показал на примитивных, от руки сделанных чертежах взаимное соотношение казачьих войск и доказал географическую невозможность создания самостоятельной казачьей республики, о чем мечтали многие горячие головы даже и с офицерскими погонами на плечах (Это было летом 1917 года, а уже весной 1918 года сам же Краснов при благожелательном содействии войск германского императора осно-

вал на Дону одну из первых «самостоятельных казачьих республик». Увы! генеральские эполеты – тоже не очень надежное средство против изменнических авантюр не в меру горячих белогвардейских голов. *Ред.*) Говорил и о патриотизме, о победе – и, казалось, увлек казаков. Митинги с истеричными речами прекратились и сменились тихими, разумными беседами с офицерами; беседы эти нравились казакам. Сколько я мог судить, большинство склонялось к тому, чтобы Россия была конституционной монархией или республикой, но чтобы казаки имели широкую автономию. Очень остро ставился земельный вопрос, но и тут принципы кадетской программы имели перевес. «Так – дескать – будет прочнее и вернее».

Маневры, которые я вел параллельно с беседами и делал не утомительными (2–6 часов) вначале тоже нравились, по тут к великому огорчению своему я наткнулся на отрицание войны. Война шла кругом. В двадцати верстах от нас была позиция. Очень редкий, правда, орудийный огонь был слышен на наших биваках, когда мы перешли в селение Тростянец. Мы знали, что на юге было наступление, руководимое Корниловым и Керенским и закончившееся позорным бегством наших, но тем не менее, когда на маневрах я обучал резать проволоку, метать ручные гранаты, врываться в окопы, а потом бросаться в конном строю в преследование, – я слышал разговоры, что «нам этого делать не придется. Война кончена!»

Она шла кругом, но революция так сильно потрясла души казаков, что в них уже не укладывалась с понятием о гражданской свободе необходимость сражаться и умирать за родину. И это было ужасно.

На душе у меня было смутно. Глубоко зная казака и солдата, с которым прожил одною жизнью 34 года, я чувствовал, что все это непрочно. Это было баловство – игра в солдатик. Настанет час великого испытания, заскрежещут и завоюют в небе снаряды, налетят с бомбами аэропланы, запоят пули, – и никакими разговорами, никакими беседами я не заставлю их идти вперед, все разбежится и исчезнет, предавши офицеров. Не было страха перед неисполнением приказа, или команды, того страха, который, – странное дело, – сильнее страха смерти. Не было совести и стыда. Я вспоминал, как раньше того, что я шел сзади цепей и покрикивал: «Вперед! Вперед! Ничего!

Вперед!» – было достаточно, чтобы командуемый мною полк бросился на штурм укрепленной позиции. А бросились бы эти? – спрашивал я, глядя на них, мокнущих на походе под дождем. Я видел недовольные, злые лица, и отвечал: нет, не бросились бы. Раньше солдату или казаку стыдно было показать, что он голоден, страдает от жары или холода, или промок, – при пропускании колонны мимо себя я видел в таких случаях веселые, как бы над самими собою смеющиеся лица, и на вопрос: «что, холодно?» – слышал веселый, бодрый ответ: – «никак нет!», иногда сопровождаемый острой

солдатской шуткой. Теперь этого не было. Всякое лишение, всякое неудобство вызывало косые, мрачные взгляды. Они стали «барами», «господами», они искали комфорта и радости жизни, а это уже не солдаты и не казаки.

Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пятидесяти лет, – погибла армия.

И все-таки надеялся. Думал, что постепенно окрепнет дивизия, вернется былая удаля, и мы еще сделаем дела и спасем Россию от иноземного порабощения (Увы! судьба и здесь зло посмеялась, над Красновым и другими белогвардейскими «спасателями» России. Не прошло и года, как им самим пришлось стать открытыми пособниками иноземного порабощения «бунтующей» страны. Такова уже природа буржуазно-помещичьего и генеральского «патриотизма». *Ред.*).

Больше всего я боялся тогда, что казаков станут употреблять на различные усмирения неповинующихся солдат. Ни что так не портит и не развращает солдата, как война со своими, расстрелы, аресты и т. п. Бывая у своего командира корпуса генерал-лейтенанта Я. Ф. Гилленшмидта, я постоянно просил его побережь в этом отношении дивизию и не посылать ее с карательными целями.

Просьба была не напрасная. По всей армии пехота отказывалась выполнять боевые приказы и идти на позиции на смену другим полкам, были случаи, когда своя пехота запрещала своей артиллерии стрелять по окопам противника под

тем предлогом, что такая стрельба вызывает ответный огонь неприятеля. Война замирала по всему фронту, и Брестский мир явился неизбежным следствием приказа № 1 и разрушения армии. И если бы большевики не заключили его, его пришлось бы заключить Временному Правительству (Ценное признание со стороны такого военспеца и непримиримого врага советской власти, как Краснов. *Ред.*).

В тылу, в глухой деревне, вдали от железной дороги, где я жил, мы очень мало знали о том, что происходит в России. Смутно слышали, что верховный главнокомандующий Корнилов требует полного восстановления дисциплины в армии, возвращения офицерам и урядникам прежней дисциплинарной власти, восстановления полевых судов и смертной казни за целый ряд преступлений. Это было приказано объявить в полках. Собранные мною с этою целью офицеры и полковые комитеты дивизии разное восприняли это известие. Офицеры радовались этому, потому что видели в этом возрождение армии и ее боеспособности, солдаты и казаки повесили головы.

– Это значит, опять к старому режиму, – печально говорили казаки. – Значит, прощай свобода! Не отдал чести али коня не почистил, как следует, и становись в боевую!

Солдаты встревожились еще решительнее.

– Этому не бывать. Корнилов того хочет, а мы не хотим. Довольно!

Имя Корнилова становилось популярным в офицерской

среде, офицеры ждали от него чуда – спасения армии, наступления, победы и мира, – потому что понимали, что продолжать войну уже больше нельзя, но и мир получить без победы тоже нельзя. Для солдат имя Корнилова стало равнозначимым смертной казни и всяким наказаниям. Корнилов хочет войны, – говорили они, – а мы желаем мира.

Но о том, что Корнилов ради спасения России хочет захватить власть в свои руки, что он хочет стать диктатором, – никто не думал.

Об июльских днях в Петрограде и попытке большевиков захватить власть мы знали мало. «Были беспорядки», – говорили в дивизии, и больше интересовались тем, кто убит и ранен, так как были между ними и знакомые, но о роковом значении начавшейся борьбы за власть во время войны мы не думали. Слишком были заняты своими злободневными текущими делами.

И потому, когда 24 августа я получил от генерал-майора Д. П. Сазонова, бывшего помощника походного атамана в. кн. Бориса Владимировича, телеграмму; «Наштаверх приказал представить вас назначению коман-кор. третьего конного. Будьте готовы по телеграмме выехать к корпусу. Прошу заехать ставку», – она меня только удивила. По имевшимся у меня частным сведениям, III кавалерийский корпус, которым командовал генерал Крымов, находился где-то в Херсонской губернии, в районе города Ананьева, и ехать в него через ставку мне было совсем не по пути. О том, что III ка-

валерийский корпус уже перебрасывался к Петрограду, мы в своей деревенской глуши и не подозревали.

Но, прежде чем отправиться в ставку, мне пришлось пережить несколько тяжелых часов и убедиться в том, что я не ошибся, считая, что полки моей дивизии уже неспособны выдержать сколько-нибудь сильное испытание.

III. Бунт 3-й пехотной дивизии. Убийство комиссара Юго- Западного фронта Ф. Ф. Линде

В ту же ночь, 24 августа, мне лично из штаба корпуса было передано по телефону, что полки пехотной дивизии, стоявшей на позиции у селения Духче в 18 верстах от моего штаба, отказываются исполнять боевые приказы по укреплению позиции, что ими руководит несколько весьма зловредных агитаторов, которых надо изъять из ее рядов. На переданное требование выдать этих агитаторов солдаты 444-го пехотного полка ответили отказом. Надо их заставить выдать. Командир корпуса считает, что достаточно будет назначить один полк с пулеметной командой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.